

В. Я. Лукаш, О. Б. Элькан

«Русская идея»: история и современность

Статья посвящена исследованию сущности и содержания понятия «русская идея», генезису данного понятия от времени его формирования до современности. Особое внимание уделяется противостоянию двух различных подходов в понимании «русской идеи» как выражения национальной миссии России: акцент на интеграции России и европейских стран на основе общих христианских ценностей (В. Соловьев, Н. Бердяев) и противопоставление России и Запада (Н. Данилевский, Н. Страхов, К. Леонтьев и их современные последователи). Обосновывается необходимость гибкого совмещения указанных подходов в современной ситуации.

Ключевые слова: «русская идея»; национальная идея; миссия нации; исторические сценарии развития России; цивилизационная принадлежность России; цивилизационная самоидентификация

Актуальность исследования истории и современного состояния «русской идеи» определяется несколькими взаимосвязанными факторами. С одной стороны, это факторы, которые можно назвать «вневременными» – такие, как неоднозначное геополитическое положение России («между Востоком и Западом»); с другой стороны, факторы, обуславливающие острую злободневность данной темы: к ним можно отнести современное социокультурное положение России, эскалацию кризисных тенденций в российском обществе, в связи с чем особую важность обретает исследование таких процессов, как развитие российской государственности и национального самосознания, стремление к национальной идентичности,

поиск социально-философской платформы, способной объединить россиян, а также разработка на этой основе возможных сценариев дальнейшего исторического развития России.

Анализ публикаций по теме.

Именно взаимодействие двух вышеуказанных факторов порождает непреходящий интерес к рассматриваемой теме. Помимо работ, посвящённых непосредственно сущности и содержанию понятия «русская идея» (которые можно отнести к источникам по теме и которые мы рассматриваем в основном тексте статьи), на сегодня существует солидный массив исследований формирования и развития данной идеологии. Среди их авторов – такие авторитетные имена, как С. С. Аверинцев,

А. Ф. Лосев, М. М. Бахтин, Д. С. Лихачёв, П. С. Гуревич, В. С. Нерсеянц, А. С. Ахиезер, А. А. Кара-Мурза, В. В. Ильин, Л. Т. Тихомиров, А. В. Гулыга, В. В. Аксютин, А. Н. Антонов, Э. А. Баллер, И. А. Барсебян, В. Б. Власов, В. В. Кожин и др. Отметим также авторов, исследующих различные аспекты проблемы в последние десятилетия, – П. П. Гайденко, Н. А. Нарочинская, К. Г. Мяло, П. Е. Бойко, А. С. Панарин, О. Ю. Сумин и др.

Объектом настоящей работы выступает понятие «русская идея», предметом – генезис данного понятия от времени его формирования до современности. Отсюда и цель исследования: проследить поэтапное историческое развитие термина и понятия «русская идея», его сущности и содержания. В соответствии с поставленной целью в статье решались следующие задачи: рассмотреть зарождение идеологии «русская идея» в русской дореволюционной историософской мысли; охарактеризовать эволюцию понимания «русской идеи» вплоть до современного этапа.

Приоритет в постановке и разработке проблемы, которая обозначается словосочетанием «русская идея», принадлежит выдающемуся русскому философу второй половины XIX века В. Соловьёву (1853–1900). В мае 1988 г. он выступил в Париже с лекцией на французском языке «Русская идея». В ней мыслитель поставил вопрос, который он считал крайне важным, – вопрос о смысле существования России во всемирной истории. Ответом на него и служила сформулированная автором «русская идея».

В. Соловьёв считал, что каждая нация, объединённая в соответствующее государственное единство, призвана выполнять в составе человечества определённую миссию или роль. Под нацией он понимал не этнос, а совокупность народов, объединённых в одном государстве. Миссия, или роль

нации в составе мирового целого есть её национальная идея. Каждая нация должна обрести свою идею, в противном случае существование нации не оправданно. Национальная идея – это определённое задание, данное Богом; это долг народа, объединённого в государстве, перед Богом. Одновременно это вклад, который нация призвана внести в копилку общечеловеческих достижений. Национальная миссия тем более высока и значительна, чем более она способствует достижению всечеловеческого единства на христианских основаниях.

Таким образом, «русская идея» в понимании В. Соловьёва – это миссия России в составе мирового сообщества. Анализ исторического пути России позволяет отследить те моменты истории, в которые она вносила наибольший вклад в развитие христианской цивилизации. Историческая миссия России, по В. Соловьёву, должна быть связана с задачей усиления роли христианства и христианских ценностей. В. Соловьёв полагает, что следует использовать мощь российского государства не для узконациональных целей, а во благо христианского человечества: «Христианская Россия <...> должна подчинить власть государства <...> авторитету Вселенской церкви <...> и отвести подобающее место общественной свободе...» [10, с. 245].

В. Соловьёв крайне негативно относился ко всем попыткам искусственного возвеличивания России и вообще одной нации за счёт другой. Такие попытки он усматривал в официальной политике и идеологии современной ему России. С точки зрения В. Соловьёва, необходимо покончить с противостоянием Западу, отказаться от самонадеянных и горделивых претензий на обладание абсолютной истиной.

По В. Соловьёву, российская перспектива связана с интеграцией в европейское сообщество христианских

стран на основе христианских ценностей. На этом пути для России открывались бы не только перспективы решения внутренних проблем, но и простор для значительной международной роли. Россия могла бы внести в отношения европейских народов элементы сердечности и непосредственности, утраченные излишне рациональным и расчётливым Западом. С другой стороны, став полноправным членом европейского сообщества, Россия могла бы помочь российскому сообществу преодолеть всё ещё характерные для России тенденции варварства, обскурантизма и нигилизма. Всё это, в конечном итоге, способствовало бы выходу России на путь подлинного просвещения и прогресса.

В пропаганде своих идей В. Соловьёв столкнулся с противодействием самых различных сил: представителей государственного аппарата и идеологии, православной церкви, сторонников поверхностного западничества, позднего славянофильства и др. Особое место в жизни и творчестве В. Соловьёва заняла полемика с идеями Н. Я. Данилевского (1822–1885) – русского естествоиспытателя и философа. Известность ему принесла ставшая впоследствии знаменитой книга «Россия и Европа». Своей популярностью он во многом обязан Н. Н. Страхову, другу автора и почитателю идей «России и Европы». Взяв на себя миссию активного сторонника Н. Данилевского, Н. Страхов отвечал на все замечания и обвинения критиков «России и Европы».

Историческая миссия России, согласно Н. Данилевскому, – забота о сохранении и развитии славянского культурно-исторического типа. Западная Европа враждебна России и славянству. Необходимо крепить солидарность славянских народов в борьбе со стремлением Запада уничтожить, подчинить или ассимилировать славян. Центральное место в кон-

цепции Н. Данилевского занимает понятие культурно-исторического типа. Фазу расцвета культурно-исторического типа Н. Данилевский называет цивилизацией. Славянский тип ещё не достиг своего расцвета, он находится в стадии становления. Поэтому о его особенностях пока ещё трудно судить с полной уверенностью. Однако Н. Данилевский возлагает на него большие надежды и связывает с ним перспективы развития России и всех славянских народов.

Надежды Н. Данилевского на создание нового восточнославянского культурно-исторического типа с Россией во главе первоначально разделял К. Н. Леонтьев (1831–1891), видный мыслитель, писатель, публицист. По мнению К. Н. Леонтьева, Россия стала государственной целостностью позже, чем сложились европейские государства, и своего расцвета она достигла лишь при Екатерине II, когда небывало возросли авторитет и сила абсолютизма, дворянство окончательно сложилось как сословие, и начался расцвет искусств. Со временем К. Леонтьев всё более разочаровывается в идее создания Россией новой цивилизации в союзе со славянским миром. Славянство представляется ему проводником европейского влияния, носителем принципов конституционализма, равенства, демократии. Для К. Леонтьева XIX век становится периодом, не имеющим аналога в истории, поскольку влияние народов друг на друга приобретает глобальный характер, традиционный процесс смены культурно-исторических типов готов прерваться, что чревато «концом света», бедствиями, неизвестными доселе людям. Гибнущая Европа вовлекает в процесс своего разложения всё новые нации и народности, что свидетельствует о появлении смертоносных всеобщих тенденций. Россия может на одно-два столетия продлить своё существование в качестве самобытного государства, если займёт по-

зицию изоляционизма, т.е. отдаления от Европы и славянства, сближения с Востоком, сохранения традиционных социально-политических институтов и общины, поддержания религиозно-мистической настроенности граждан. Если же в России возобладают всеобщие тенденции разложения, то она будет способна даже ускорить гибель всего человечества и свою историческую миссию создания новой культуры превратит в апокалипсис всеобщего социалистического заблуждения и краха.

По мнению философа Н. А. Бердяева (1874–1948), особую роль в процессе спасения человечества от грозящей катастрофы призвана сыграть Россия как великая мировая держава. Русский народ в силу антиномичности (противоречивости) своего психологического склада и исторического пути, соблазнил буржуазными началами западной цивилизации (рационалистические и атеистические учения, включая марксизм). Россия стала местом, где происходит последнее испытание гуманизма. Н. Бердяев выражал надежду на то, что в постсоветской России будет создан иной, более справедливый, чем просто буржуазный, строй, и она сможет выполнить предназначенную ей миссию – стать объединительницей восточного (религиозного) и западного (гуманистического) начал истории.

Идеи Н. Данилевского, К. Леонтьева о несовместимости России и Европы получили дальнейшее развитие в творчестве евразийцев – оригинального социально-философского направления 1920–1930 годов. Они разработали самобытную философию русской истории, в центре которой утверждение о том, что Россия – особая страна, органически соединившая в себе элементы Востока и Запада. Евразия с её географически-пространственными, климатическими особенностями, растительным и животным

миром рассматривалась как основа хозяйственной и политической жизни народов России, «месторазвитие» своеобразной русско-евразийской культуры, сфера взаимопроникновения природных и социальных связей.

Сторонники евразийства выводили из пространственно-территориального России-Евразии общность исторического развития населяющих её народов, близость их культур, этнопсихологического типа, религиозных взглядов и чувств, и наличие прочных политических связей. Евразийцы резко выступали против европеизации России. Понятие глобализации в то время практически не использовалось в социально-философских и социологических работах. Но смысловое содержание было довольно отчётливо определено евразийцами и их предшественниками как европеизация. Смысл процесса европеизации заключается в приобщении России и других неевропейских стран в Европе к европейским нормам и правилам, т.е. то, что впоследствии российскими либералами было названо вхождением в европейский дом, приобщением России к цивилизованному обществу.

Независимо от отношения к евразийству, все исследователи этого необычайно яркого феномена сходятся в одном: в громадной силе европейского предвидения судеб России, путей её развития, её возможных взлётов и не менее возможных падений. Ещё в 1930-е годы евразийцы предупреждали об опасности сценариев развития, близких тем, что реализовались в России 1990-х годов. Основоположники евразийства, как, впрочем, и их предшественники Н. Данилевский и К. Леонтьев, предостерегали от европеизации (понятие, адекватное понятию «глобализм»).

Н. Данилевский, В. Соловьёв, Н. Бердяев, евразийцы поставили вопрос о цивилизационной принадлежности России и пытались дать ответ

на него. Они чётко понимали то положение, что любое национально-государственное образование может сохранить себя как особую целостность лишь в рамках той или иной цивилизационной самоидентификации.

Варианты цивилизационной самоидентификации в России, по сути, сводились к двум. Первый: Россия – часть западноевропейской цивилизации, и её прогресс связан с развитием на этой цивилизационной основе. Второй: Россия – самостоятельная цивилизация и должна развиваться как таковая. При этом в данном варианте прослеживаются как бы два подварианта. Согласно одному, Россия – составная часть (ядро) особой славянской цивилизации (тем самым она «втягивается» в цивилизационную орбиту государств с преимущественно славянским населением). Согласно другому, учитывающему национальный состав населения страны, действующий на протяжении всей её истории особый механизм межэтнического взаимодействия определяет Россию как особую мультиэтническую цивилизацию. При этом, как правило, подчеркивается некое преобладание в этой цивилизации либо западноевропейских (Евразия), либо «азиатских» (Азиопа) черт.

Привлекательность западноевропейской цивилизационной принадлежности России, на первый взгляд очевидна. Уровень и образ жизни, сложившиеся в Западной Европе, не могут не быть привлекательными. Это та самая привлекательность индустриальной (ныне в постиндустриальной оболочке) цивилизации, которая служит материальной основой для аргументов в пользу линейной концепции социально-экономического прогресса. Развитие России в рамках западноевропейской цивилизации в силу размеров российской территории, количества населения, величины её материально-ресурсного потенциа-

ла, хотя и будет способствовать практической реализации этой концепции, отнюдь не предопределяет линейность общественного прогресса в масштабах всего человечества, так как сохраняются цивилизации Китая, Индии, мусульманских стран, цивилизационные потенциалы Африки и Латинской Америки. Другой вопрос: возможен ли такой вариант для России – и если возможен, то при каких условиях?

Отвечая на этот вопрос, необходимо помнить, что сама западноевропейская цивилизация возникла без России. Последняя сложилась гораздо позднее, чем западноевропейская, и отнюдь не в качестве её части, без отличия от ряда других западноевропейских государств, которые хотя и обрели государственность после того, как западноевропейская цивилизация уже сложилась, но с самого начала были её составной частью. И поэтому мы в полной мере разделяем позицию Н. Данилевского, который считал: «Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяет России считаться Европой. Она заслужила этой чести и, если хочет заслужить иную, не должна изъяслять претензии на ту, которая ей не принадлежит» [2, с. 49]. Век спустя эту же мысль проводил и А. Тойнби, считавший что «дифференциация западного и православного христианства породила два различных общества – „западные и православные“» [5, с. 37–38].

Соответственно, западноевропейская цивилизационная идентификация России с самого начала предполагала такое изменение траектории её предшествовавшего исторического пути, которое «превращало» бы её в составную часть западноевропейской цивилизации. Попыток такого «изменения траектории» история России знает немало, начиная с политики Петра Великого. Однако вряд ли можно считать, что в итоге цивилизационная принадлежность России может быть

идентифицирована как западноевропейская. «Запад так и не оказал глубокого влияния на жизнь и культуру России <...> Мощные традиционные культурные пласты оказывали сопротивление процессам «вестернизации». [1, с. 461–462].

Действительно, хотя к началу XX в. Россия в гораздо большей степени, чем во времена Петра Великого, восприняла «европейские одежды», её отождествление с западноевропейской страной представляется сомнительным. Если бы такое отождествление состоялось, то вряд ли продолжались бы дискуссии «западников» и «славянофилов», в том числе такое их «ответвление», как дискуссия о возможности или невозможности становления в России развитого капитализма. Если речь идёт о принятии «цивилизованного облика» – того образа жизни, менталитетами прочих черт, которыми одна цивилизационная общность отличается от другой, то подобный процесс крайне маловероятен по крайней мере в обозримом будущем. Во всяком случае, сегодня наиболее реалистичским представляется утверждение о том, что между населением России и других бывших европейских республик СССР – Белоруссии, Украины – и населением Европы существуют не только социальные, но и социально-психологические различия. Поэтому наиболее вероятным путём развития этих государств является создание экономического союза, прежде всего, между Россией, Белоруссией, Украиной и Казахстаном.

Правда, сторонники западноевропейского пути развития не предлагают россиянам стать западноевропейцами. Речь идёт «всего лишь» о создании экономической системы, покоящейся на индустриальной (постиндустриальной) основе и функционирующей, как минимум, не менее эффективно, чем западные экономические системы.

История доказала, что эффективный индустриальный прогресс требует институциональной системы, опирающейся на рыночный механизм. Попытка в рамках социалистического выбора пойти индустриальным путём при угнетении рыночных механизмов наглядно продемонстрировала глубинную имманентную связь индустриализма с рыночной системой. Вместе с тем, самая эффективная индустриальная система возникла и развивалась как раз в рамках западно-европейской цивилизации. Это было именно то, что составляет её коренные отличия от всех иных. «Перенос» индустриальной системы и присущих ей институтов на иные цивилизационные основания до сих пор не дал адекватных результатов.

Конечно, здесь действует комплекс причин, одной из которых является неравноправный характер участников глобальной экономики. Такое положение, как отмечается во многих серьёзных исследованиях, навязывается именно Западом, опирающимся на своё изначальное индустриальное превосходство. Однако представляется, что не последнее место в ряду факторов, обуславливающих сохранение этого превосходства, занимают цивилизационные различия. «Своих результатов, – отмечает А. Ахиезер, – Запад добился на иной (чем Россия) культурно-нравственной основе, на протяжении столетий и даже тысячелетий развивая унитаризм». Поэтому даже восприятия организационных механизмов, свойственных западноевропейской экономической системе, «не означает, однако, превращения России в Запад». Таким образом, если рассматривать Россию в цивилизованном смысле как Европу, то это – «другая Европа» [2, с. 190, 753].

Тезис о независимости «прямой» трансплантации институциональных систем, покоящихся на различных цивилизационных основаниях, всег-

да присутствовал в отечественной экономической мысли. Ещё директор Департамента финансов, обер-прокурор Сената Российской Империи А. Бутовский, ставший первым российским автором учебника политической экономии, вышедшего в 1847 г., отмечал, что «законы экономические, в сущности везде одинаковые, проявляются различно и ведут к различным результатам» в соответствии с «временем, местом и народом <...> Деятельность народная в каждом из этих государств находится под влиянием обстоятельств совершенно несходных, климата, местоположения, государственного устройства, обычаев и вообще образованности. Неудивительно, что и в её проявлениях, при всей одинаковости побуждений и средств, есть больше несходств, особенно в направлениях и результатах» [2, с. 30–31].

Можно выделить в этой связи позицию такого видного государственного и общественного деятеля России, как С. Витте, считавшего, что «до тех пор, пока русская жизнь не вырабатывает своей национальной экономики, основанной на индивидуальных особенностях русского грунта, до тех пор мы будем находиться в процессе шатания между различными модными учениями, увлекаясь поочерёдно то одним, то другим» [3, с. 62]. В этой же связи он критиковал классическую политическую экономию, которая, напрямую связывая индивидуум и человечество, «упускает из виду, что между отдельным человеком и человечеством существует ещё особая экономическая единица – нация [4, с. 65].

Таким образом, постановка вопроса об эффективности рыночных институтов независимо от цивилизационного основания, на котором они функционируют, с политико-экономической точки зрения, антинаучна. Задача же о становлении в России социально-экономической системы западноевропейского типа правомерна

лишь при условии, что субъективный (человеческий) фактор этой системы является по своей цивилизационной принадлежности западноевропейским, с присущим ему экономическим менталитетом, системой ценностей и т.п. Ведь цивилизационная принадлежность диктует психологический склад личности, определяя её поведение, в т.ч. экономическое. Попытки «взломать» данный уровень встречаются более или менее осознанное сопротивление.

Всё это, конечно, ни в коей мере не означает какого-либо «запрета» на включение России в различного рода политические, экономические и даже военные союзы с Западом. Да иное и невозможно в силу глобализации экономической жизни. Наоборот, можно предположить, что такого рода развитие событий будет даже инициироваться и стимулироваться Западом. Другой вопрос, что вхождение России в эти союзы, её интеграцию в их рамках Запад будет неизбежно рассматривать как механизм «освоения» России в ходе своей ресурсной экспансии.

Прослеживая исторический путь России, можно сделать вывод, что наибольших успехов в своём развитии она добивалась в те периоды, когда её правящие круги в фундамент своей политики закладывали принцип: хорошо то, что способствует развитию и усилению России. И наоборот. Тогда, когда в силу тех или иных обстоятельств страна начинала ориентироваться на цели, выходящие за рамки собственного развития, какими бы «благородными», с точки зрения «общечеловеческих» ценностей, они ни были, страна неизменно терпела поражение.

Внешняя политика России должна иметь разновекторный прагматический характер и ориентироваться на реализацию собственных общенациональных государственных интересов.

Ведущее место во внешней политике России должно занимать ев-

ропейское направление. Россия была и будет крупнейшей европейской державой. Здесь сосредоточены её стратегические и экономические интересы. Россияне множеством исторических, экономических и культурных нитей связаны со своими соседями в Европе. Россия искренне заинтересована в самых тесных и взаимовыгодных отношениях с Европейским Союзом. Она активно включилась в процесс формирования совместно с системой единых пространств: в области экономики и торговли, внутренней и внешней безопасности, правосудия, науки и культуры. Сближение и реальная интеграция в Европу однозначно определены как исторический выбор России и последовательно реализуемы. Главная задача – совместная работа по созданию общего европейского экономического пространства с участием России. Однако геополитические амбиции США и по сути дела «марионеточные правительства» европейских стран, управляемые ими, вышли на новый «виток» неблагоприятных отношений с Россией – экономические санкции [12]. При том, что все страны Европы находятся в полной энергозависимости от России. Россия сможет обойтись без товаров и услуг Европы, включив в оборот свои резервы. За последние годы резко возрос интерес к проблеме российской национальной идеи (Россия самая многонациональная держава – около 200 национальностей и народностей), которая в новых исторических условиях, связанных со сменой государственных приоритетов, должна стать творческим развитием «русской идеи».

Современные историки считают, что неотъемлемым компонентом российской национальной идеи является державность [8]. Державность – утверждение своей страны как великой и единой державы. Державность есть сплав евразийства с национальной идеей. Для России это идея – сила, которая

очень не нравится Западу. Исходный тезис евразийцев заключается в том, что Франция, например, есть часть Европы. Россия же составляет «континент в себе», самодостаточный во всех смыслах – в культурном, духовном, религиозном, военном и хозяйственном. В основании «континентальности» и в приспособлении к ней заложено экономическое будущее России.

История российской государственности свидетельствует, что на процесс её формирования, развития и своеобразия складывающейся в её рамках политико-правовой культуры, существенное влияние оказывали такие факторы, как особенности геополитического положения страны (между Западом и Востоком), её пространственные характеристики и климатические условия, многоэтнический состав населения, характер и уровень хозяйственной деятельности, социокультурный быт, традиции и верования, по преимуществу военный характер внешней политики (от борьбы за выживание до внешней экспансии), личностные характеристики и свойства правителей.

Утверждение на огромном евразийском пространстве государственного единства страны сопровождалось определённой политико-правовой консолидацией и упорядочением социальных и национальных отношений, несло с собою известные элементы стабильности, организованности, безопасности, выполняя тем самым определённую культурно-цивилизационную функцию.

При этом следует отметить, что центральная власть в России в своей политике и законодательстве в определённой мере стремилась учитывать этнические, исторические, религиозные, социокультурные и иные особенности в отдельных составных частях большой и многоликой страны. Так, хотя конфессиональный момент определял некоторые стороны правового

положения подданных (преимущества православного населения, ограничения для лиц иудейского вероисповедания и т. д.), однако соблюдался (с теми или иными ограничениями) принцип свободы совести. Относительно свободно развивалась религиозная жизнь армянской и грузинской церковью, мусульман, караимов, лютеран, католиков, буддистов. Это предотвращало сепаратистские движения на религиозной почве.

Для сохранения единого геополитического пространства использовались различные формы автономии для тех или иных частей империи (Финляндия, Польша). Применительно к кочевым и сибирским народам применялась своеобразная форма косвенного управления (под наблюдением русской администрации туземные органы власти опирались на традиции своих народов, особенности их национальной психологии). На территории Российской империи сложился относительный плюрализм законов. Наряду с русским законодательством действовали и иные системы права: шариат, грузинское право, армянское право, собственные национальные системы права в русской Польше, Финляндии, Бессарабии, обычное право кочевых и сибирских народов.

В силу различных исторических факторов, Россия значительно отставала от западноевропейских стран во всех областях жизни и деятельности. Необходимость преодоления этой отсталости страны со времён Петра I была осознана как одна из важнейших стратегических задач российской государственности. Речь при этом шла об отставании России от уровня развития передовых стран Западной Европы. Такой европейский критерий для оценки положения дел в России и выбора надлежащих ориентиров для российских реформ и преобразований диктовался не только естественными интересами страны на

европейском континенте и высоким (по существу – мировым) уровнем европейских достижений в развитии общечеловеческой цивилизации, но в конечном счёте тем обстоятельством, что русское государство по исходной территории и этническому составу было европейским государством, – правда восточноевропейским, а не западноевропейским.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что становление России в качестве огромной евразийской державы в результате многовековой борьбы против азиатских завоевателей и освобождения от татаро-монгольского ига было, скорее, процессом не азиатизации русского государства, а соответствующей европеизации и цивилизации новых азиатских этносов и территорий в составе России. Весьма показательным в этом плане, что в своей исторической эволюции российское государство ориентировалось не на азиатские формы правления, а так или иначе продвигалось по пути преодоления своего отставания от Западной Европы. Собственно решению этой фундаментальной задачи и были посвящены все основные российские преобразования со времён петровских реформ.

И на всех последующих этапах развития русского государства исторически продолжалась и подчёркивалась неразрывная связь Российского государства с Киевской Русью как началом и корнем русского государства и российской государственности.

Государство в России видится его гражданами как выразитель общих интересов. Принимая во внимание интересы отдельных личностей и социальных групп, оно должно проводить политику, направленную на благо всего народа.

В России государство всегда являлось главным собственником основных богатств страны и стратегически важных объектов. Его роль в руковод-

стве экономикой при любой форме правления и различных политических режимах всегда была значительна. Искусственное удаление государства с экономического поприща, нарушение экономических законов в угоду правящим верхам, привело к результатам, сравнимым по своей разрушительности с полномасштабной войной.

Многонациональное российское государство стало способом существования и даже выживания всех входящих в него народов, средством достижения ими внешней безопасности и внутреннего мира. Естественно, что такое многонациональное государство намного сложнее точки зрения управления, чем компактное моноэтническое образование. Поэтому разрешение национальных, территориальных и религиозных проблем в России всегда требовало от власти специальных знаний и особого искусства для сохранения страны как единого целого.

В территориальном плане Россия представляла собой не лоскутную колониальную империю, а органически целое, единое геополитическое, экономическое и культурное пространство, разрушение которого было чревато бедрами и потрясениями не только для России, но и для всего мира. Катаклизмы Февральской и Октябрьской революций 1917 г. со всей наглядностью продемонстрировали это. История убедительно подтверждает тот факт, что любые крупномасштабные события и преобразования в России неизменно оказывали и продолжают оказывать существенное влияние на положение дел во всемирном масштабе. [7, с. 14–15].

Российское государство всегда стремилось поддерживать дружественные отношения со своими соседями, особенно с теми, с которыми протяжённость общих границ была наиболее велика. Резкий односторонний уход России из этого сектора своей внешней политики, ориентация

на сотрудничество со странами так называемого «дальнего зарубежья» серьёзно подорвали позиции страны на международной арене, ослабили её безопасность и создали условия для тотального передела мира. США на этом этапе достигли давней мечты.

Современные социологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что доверие к власти (государству и праву) в России восстановлено. По данным ВЦИОМ, оценки деятельности Президента Российской Федерации В. В. Путина уже почти два года превышают уровень в 80%. Рейтинг Президента начал расти весной 2014 г. на фоне воссоединения Крыма и Севастополя с Россией [9].

Сегодня все страны мира, в том числе и Россия, втягиваются в быстро идущие процессы глобализации всего мирового пространства. Глобализация открывает невиданные ранее возможности для ускоренного экономического и научно-технического прогресса, для общения государств и народов, для расширения контактов между людьми, обмена информацией, культурными, духовными ценностями. В то же время процессы глобализации, которые в основном протекают стихийно, без коллективного направляющего воздействия мирового сообщества, оборачиваются серьёзными проблемами и издержками. Среди них – углубляющаяся неравномерность социально-экономического развития мира, расслоение мировой экономики на зоны устойчивого роста и зоны застоя, а то и явной социально-экономической деградации. Не меньшую озабоченность вызывают культурные и духовные последствия глобализации, связанные, прежде всего с угрозой размывания цивилизационного многообразия современного мира. В XXI веке во многих странах обоснованно выражается тревога по поводу опасности утраты национальной самобытности, её растворения в

так называемой «массовой» культуре с её убогими унифицированными стандартами. Такая опасность, к сожалению, вполне реальна и для России, как и для других стран, принадлежащих и к православному, и к исламскому миру. В этой связи сохранение духовной и культурной самобытности является для России и для всей православной цивилизации одним из крупнейших вызовов XXI века.

Православные народы обладают общим духовным наследием и сходным историческим опытом. Помимо этого, сейчас их объединяют проблемы, остро требующие разрешения. Это поиск должного места в международных отношениях, необходимость сохранить свою национальную и культурную самобытность, построить гармоничное общество и процветающую экономику. Славянским странам нужно вместе дать достойный ответ на попытки построить однополярный мир, основанный на господстве лишь одной из цивилизованных моделей. Необходимо консолидировать усилия всего славянского мира в духовно-культурной, внешнеполитической и экономической сферах – не для противостояния остальным цивилизациям, но для взаимодействия с ними на более глубоком уровне. Главное для всего славянского мира – это тесная интеграция в экономической, научной, культурной областях, повышение материального уровня жизни народов. В этих условиях «русская идея» приобретает огромное мобилизующее значение. Она приобретает роль идеологической основы для тесного союза всех славянских народов. Только в тесном союзе славянские народы смогут сохранить своё богатейшее культурное наследие, свою цивилизацию в интересах всего человечества.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Понятие «русская идея» отличается глубоким теоретическим

содержанием, но является сложным, противоречивым образованием. Различные мыслители, а также различные политические силы использовали и продолжают использовать богатейший идейный потенциал «русской идеи» в своих интересах.

2. Россия является европейским государством как по форме правления, форме государственного устройства, так и по духовным ценностям и нормам, но восточноевропейским, а не западноевропейским. России нет смысла входить в западноевропейскую цивилизацию, так как она сама является «цивилизацией цивилизаций».

Что касается ситуации начала XXI века, то, несмотря на включение России в различного рода экономические, политические, военные западноевропейские структуры, рассматривать этот факт как «вхождение» России в западноевропейскую цивилизацию было бы методологически ошибочным, Россия, даже вступая в такие союзы, ещё не становится западноевропейской страной.

3. Россия объединяет в себе многие цивилизации и культуры: и языческую, и христианскую, и мусульманскую, и буддийскую, и научно-рациональную. Она находится на перекрёстке цивилизаций и культур, аккумулирует в своей культуре ценности и нормы многих культур. Россия была и остаётся «топосом» диалога различных культур.

4. Россия потерпела поражение в «холодной войне» и в результате распада СССР оказалась в эпицентре глобальных перемен и стала крупнейшей зоной нестабильности. Крушение СССР и вызванный им тотальный кризис нанесли мощнейший удар по самой российской государственности, народу, поставили под сомнение саму «русскую идею». В создавшихся ныне условиях перед Россией стоит задача заново сформулировать свои политические цели, адекватные новым реаль-

ностям, заново определить свои интересы в области национальной безопасности. Концепция национальной безопасности базируется, прежде всего, на связке «государство–внешняя среда». На первом месте – интерес России.

5. Нет сомнения, что Россия может сохранить своё величие, лишь оставаясь Россией. Ни одно государство не способно добиться экономического подъёма и роста благосостоя-

ния народа без использования национальных ресурсов, как материальных, так и духовных. Россия располагает крупнейшими природными ресурсами (нефть, уголь, руды и др.), а также громадными интеллектуальными, научными, технологическими, духовными потенциалами, творческими возможностями народа. У России есть перспективы сохранения себя в качестве мировой державы XXI века.

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта / А. С. Ахиезер. – В 2 т. – Т. 1. – От прошлого к будущему. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997. – 804 с.
2. Бутовский А. И. Опыт о народном богатстве, или о началах политической экономии. – В 3 т. – Т. 1. – СПб.: Типография Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1847. – 517 с.
3. Витте С. Ю. По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист / С. Ю. Витте. – СПб., 1912. – 76 с.
4. Витте С. Ю. Принципы железнодорожных тарифов при перевозке грузов / С. Ю. Витте. – Киев: Журнал «Инженер», 1884. – 368 с.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – СПб.: Изд-во «Глаголь», изд-во СПб университета, 1995. – 514 с.
6. Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: границы, возможности / В. В. Ильин, А. С. Ахиезер. – М.: МГУ, 2000. – 304 с.
7. Лавров С. И., Фроянов И. Я. Русский народ и государство / С. И. Лавров, И. Я. Фроянов. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1995. – 70 с.
8. Лукьянова Е. А. О российской национальной идее / Е. А. Лукьянова // Вестник МГУ. – Серия 12. Политические науки. – 2003. – № 2–135 с.
9. Рейтинг Путина – на новой рекордной высоте. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115438>
10. Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. / В. С. Соловьёв. – Т. 2. – М.: Правда, 1989. – 738 с.
11. Тойнби А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. – М.: Прогресс. Культура, 1996. – 706 с.
12. Хронология введения санкций и ответные меры России в 2014–2015 годах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20151125/1328470681.html>

„The Russian Idea“: History and Modernity.

The article is devoted to research of essence and content of the concept „Russian idea“, genesis of this concept from time of its forming to the present. The special attention is paid to opposition of two various approaches in understanding of “the Russian idea” as expressions of national mission of Russia: emphasis on integration of Russia and the European countries on the basis of general Christian values (V. Solovyov, N. Berdyaev) and opposition of Russia and the West (N. Danilevsky, N. Strakhov, K. Leontyev and their modern followers). The need of flexible combination of the specified approaches for the modern situation is proved.

Key words: „the Russian idea“; national idea; mission of the nation; historical scenarios of development of Russia; civilization ownership of Russia; civilization self-identification